

возможныхъ, то лишь такую, которая вообще была бы достижима въ теченіе короткаго земнаго бытія».

Итакъ, если нравственный законъ предписываетъ служеніе всеобщему счастью, то онъ самъ не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, а потому и не въ силахъ осмыслить мою жизнь, если нѣтъ безсмертія...

Иначе выйдетъ въ томъ случаѣ, если мы допустимъ безсмертіе. При этомъ предположеніи мы вправѣ вѣрить (не говорю — будемъ знать, но можемъ вѣрить), что за предѣлами земной жизни осуществляется все то, что остается неосуществимымъ въ этой жизни, и что вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо для сохраненія смысла въ обязательности нравственнаго долга. Коль скоро допущено безсмертіе, то этимъ самымъ открывается возможность вѣрить, что исполненіе нравственнаго долга служить безукоризненнымъ средствомъ для достиженія цѣли абсолютно цѣнной и осуществляющейся въ посмертной жизни, что нравственная дѣятельность есть ничто иное, какъ путь, ведущій къ этой цѣли, а совѣсть ничто иное, какъ отголосокъ этой цѣли въ нашей земной жизни...

Итакъ, когда смыслъ жизни полагается въ служеніи нравственному долгу, а этотъ долгъ понимается, какъ обязанность служить всеобщему счастью, то вѣра въ смыслъ жизни, все-таки, оказывается логически невозможной безъ вѣры въ безсмертіе, ибо всеобщее счастье оказывается неосуществимымъ, если нѣтъ безсмертія. Это, конечно, еще